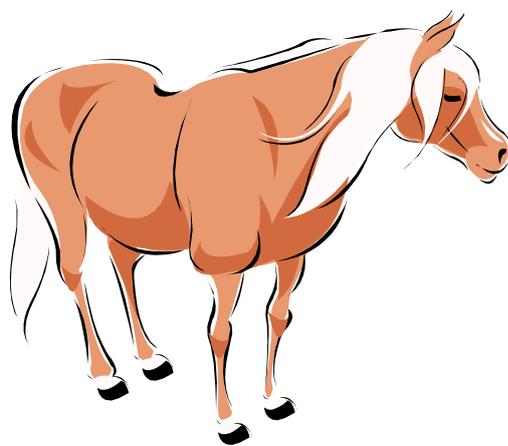

375-летию села посвящается ...

А. Рожков, И. Тимонин
Литературная правка А. Коптелова

МЕДВЕДСК Страницы о прошлом

2001

МЕДВЕДСК страницы о прошлом

Много в Сибири старинных сел с кондовыми домами и кондовыми людьми в них. К таким селам относится и Медведск.

Ни один седобородый не помнит, возникло это село. Да и мудрено помнить. При разборки волостного архива были обнаружены пожелтевшие, похожие на бересту, бумаги, усыпанные непонятной вязью стародавнего письма. Деревенские грамотеи по слогам читали через пятое на десятое: «Указ... Петра... Указ... Елизаветы». Таких бумаг - вороха. Столетиями росла бумажная гряда в волосном правлении.

На перекрестке больших дорог, по берегам трех речушек разметалось крепкое село. Жизнь в нем шла особенная, непохожая на жизнь соседних деревень. Бесконечной лентой тянулись образы в Семиречье, Монголию и Западный Китай. Возвращаясь, обозники в Кольвани сворачивали на Московский тракт. По столбовым дорогам скакали курьеры и фельдъегеря, проходили партии арестантов, мчались десятки ямщицких троек. С четырех сторон стекались в Медведск обозы, тройки, люди. Ночевали и дневали. Путники, давали ямщикам на чай, а чаще в зубы, и снова летели по длинным трактам.

На краю села стояло большое здание с узкими окнами и крепкими решетками, окруженное двухсаженным заплотом - этап. Железом окованные двери, скрипя в петлях, отворялись, чтобы впустить очередную партию арестантов, промерзших, изнуренных длинным переходом, злыми сибирскими морозами и буранами, тяжелыми звенящими кандалами. В середине села - второе здание с крупной вывеской и гербом Томской губернии «Медведское Волостное Правление». По бокам длинной улицы, раскинувшейся на шесть километров - десятки лавок местных торгашей, трактир, полицейское управление и неподалеку от него - вместительная церковь. В девятисотых годах возле церкви появилась маленькая школа с одним учителем. Несколько раньше была открыта почтовая контора. В ветреные дни в селе пели стальные ниточки - провода телеграфа.

Ямщицкая «вольница», чаевые, зуботычины, пятаки и гривенники за постоялые дворы, гоньба по кондиции), сделали крестьянина, во многом не похожего на своих соседей. Немало в Медведске было кулаков, державших батраков для развозки путников, для гоньбы³), уборки постоялого двора, работы на пашне. Постройки вытянулись в одну улицу, вдоль тракта. Значительно позднее появились переулки. Просторные дома обнесены дворами и цепью амбаров, сушиль и навесов. Двухсотлетнее пребывание в селе урядников, попов, волостной и прочей клики, берущей взятки и бьющей в зубы, приучило население относиться к себе без особой почтительности и уважения. Тысячи прозвеневших кандалами арестантов, среди которых не малую долю составляли политические, оставили глубокий след, особенно на молодежи.

Село гремело на всю Сибирь. Не редко 500-600 верст можно было услышать:

- Так ты, паря, говоришь медведский? Знаю, знаю Медведск. Хаживали с обозом. Знакомые есть - Калачевы, Хомяковы.

Первым ударом по Медведску была постройка Алтайской железной дороги. Еще сейчас можно услышать от стариков:

- Дорога-то должна была по нашему селу пройти, а наши лавошники испугались: понаедут тут, мол всяки торговцы, перебьют им торговлю, ну и дали инженерам тыщу там, али полтыщи. Инженеры дорогу-то в сторону отвели.

Дорога прошла в 10 километрах, по станции отброшены на 15-25 километров. Шумный и беспокойный Медведск начал утихать. Оборвались обозы. Исчезли путники. Тяжелые троечные кошевки с вывернутыми оглоблями стояли под сушилами. Упала гоньба. Пришли люди с «кошками» и сняли гудящие провода, оставив один провод до станции Черепаново. Телеграфные столбы спилили, продали на амбары, и завозни. Широкий тракт зарастал травой, подпиливали мосты.

1917 год Медведск встретил так же, как и другие села. Только при попытке арестовать урядника были отрублены пальцы у одного мужика. Урядник бежал. Старшину сменили. Вместо одного кулака посадили другого. Вынесли из волости трехцветные флаги и понесли по улице. Один из крестьян, подскочив к флагу, оторвал бело-синее полотенце и крикнул:

- Нет белого царя, не надо и белого флага. Откуда-то появились красные флаги. Пять или шесть кулаков, под руководством начальника почты, объявили себя эсерами, агитировали за войну, за выявление дезертиров, за помощь комитетам.

А село ждало замирение:

- Раз теперь свобода, то и война кончится, - воевал-то царь. Но замирения не было. По - прежнему шли реквизиции лошадей, овса, хлеба, телег, сбруи. Война порастрясла амбары, ударила по хозяйству. Расслоение деревни обозначилось глубже. Появились сотни семейств беженцев. Они работали у кулаков за кусок хлеба. Батрачили и женщины, и дети.

Волостной комитет, в котором восседали эсеры, по прежнему проводил политику, ловили дезертиров, реквизиций и защиты кулачества. Комитет со страхом начал присматриваться к фронтовикам пришедшим с оружием. Фронтовики вели ясную и четкую агитацию:

- Сперва мир, а потом все будет.

Захват Сибири чехами заставил часть фронтовиков уйти в подполье и до поры до времени помалкивать. Это было в мае. А в августе фронтовики выступили с оружием в руках, разоружили милицию, ловили бежавших из Черепаново чехов, а потом примкнули к партизанским отрядам. После подавления Черепановского восстания они ушли в тайгу к тов. Громову, оперировавшему в 100 верстах от Медведска. Карательный отряд, ворвавшийся в Медведск, порол и убивал людей за то, что они были однофамильцы партизан. Это возбуждало не страх, а безграничную ненависть. Число партизан росло. Ненависть к белым вскоре перекинулась и в школы.

Еще в конце 1917 года в Медведске было открыто высшее начальное училище. Разместилось оно в наскоро побеленном здании этапа. Детские рученьки с трудом открывали тяжелые двери. Узкие окна мало напоминали школу. В углах столбами стояли не покорные. Вовремя втолкования «закона божия» ученики потихоньку соскабливали со стен известку. Из-под известки выступали надписи. Открывались страшные строчки о страданиях людей, прошедших через этап. Это они писали карандашами и углем, вырезали ножами, кусками стекла. Всюду надписи... надписи... надписи... Проклятия. Крики отчаяния. Это ковало миропонимание учеников. В подпольных кружках, в тайном - даже от товарищей - читке листовок, приносимых от партизан, росли будущие комсомольцы. Иногда исчезал 14-15 летний мальчуган. Товарищи шепотом передавали:

- Ушел к Громову.

Позднее почти все село стало партизанским. Дружины «святого креста» разбиты.

А в декабре 1919 года Медведск вступили части Красной армии. Таковы куски прошлого.

Страна задыхалась от голода, охватившего Поволжье. В селе - волревком, уполномоченные продотряды. Кулачество притихло, ждет лучших времен. Порой казалось кулакам, что вот - вот еще немножко и можно будет опять взяться за свое. Уже отмена продрозверстка. Открыт вольный рынок. Можно удерживать работников и нанимать поденщиков. Правда, договора требуют, но кулак хитер. И он говорит:

- Так ведь у меня не работник, а сын двоюродной сестры, родственник значит.

Ранним утром покосившейся избенки шел разговор:

- Ты, Ефимовна, парня пошли ко мне седни везть.

- А за че, Иван Архипович? Муки я у тебя брала полпуда... С Тоськой от зари до зари вязали у тебя.

- Но, Ефимовна, и бессовестна ты! Мука - то у меня была бела, пшенишна. А ты знаешь по чем сейчас мука? Ты ведь ее перед масленицей брала, а летом бы мне за ее всяк три поденщины отработал. Давай, посылай парня!

- Иди ты к черту, сатана рыжая! Что же я твои белы да пшеничны полпуда с семьей втрое дольше ела, что - ли?!

Иван Архипович, один из матерых кулаков, медленно удаляясь повторял:

- Да ты че бессовестная? С ума сошла.

А в след неслось:

- А у тебя где совесть? Ишь умный за полпуда три поденщины!

Иногда бедняк бросал свою работу и шел отработывать третью поденщину за полпуда, но все чаще и чаще шел он в комитет взаимопомощи, в сельский совет.

- Проходи давай, Степанович. Чо хорошего скажешь?
- Да чо хорошего, Сергей Ефремович. Посчитаться бы маленько надо. Деньги до зла горе надо. Рублей бы пять всего и надо- то.
- Ну, это дело не долгое. У меня ведь все записано. Как те года с сортовкой (триером) ходил, привык вот записывать и пишу все.
- Дело это хорошее записывать, да я вот неграмотный. Вот уж ребята научатся.
- Минька, подай-ка книгу, вон на голбчике. Ты сколько же поденщин считаешь?
- Да ты, Ефремович, считай сам. Трое мы у тебя почти все лето работали. Должно 123 поденщины.
- Обсчитываешь ты меня, Иван Степанович! Меньше должно быть.
- Давай посчитаем.

Полчаса длился счет.

- Вот видишь, я говорил: обсчитываешь ты меня. Выходит по записям 98, а ты говоришь 123.
- Не шути, Ефремович.
- Я не шучу. На дальней пашне за падуном три дня дождь шел, а вас трое - девять дней долой. Какая же работа в дождь? За Гусихой машина изломалась- с полдня не работали, а тут два дня с полдня домой уезжали.

Бедняк хмурится.

- Ты это брал? Тоже записано. Хлеб на семена брал?
- Брал.
- Лошадей на пахоту брал? Парнишку в больницу на моей лошади возил? Тоже две поденщины. Муку брал? Деньгами опять же. Да ишло говоришь деньги нужно.
- Да про деньги я так, к слову помянул. Мне вот, Ефремович, лошадей бы на день, пары перепахать.
- Лошадей- то оно можно, Я уж почти правился, да лошади-то заморены. И должен ты мне остаешься еще 3 р. 20 коп. Ну да ладно, я ведь к тебе как к родному. Бери. Девчонку с бабой пошли ко мне в четверг лен мять.
- Ладно.
- А про 3 р. 20 коп. не забудь. Будут деньги - принеси. Или отработаешь потом?
- Все равно и отработать можно.

Это было тоже в 1927 году. Но в том же году было другое. Все чаще и чаще собиралась группа бедноты. Все активнее и активнее проходили бедняцкие собрания. В народном суде разбирались дела кулаков, обиравших бедноту. Росла партийная ячейка. И все чаще возникали разговоры о колхозах.

По всему фронту развертывалось наступление на классового врага - кулака.

ПЕРЕДЕЛ

Земля в Медведске была разделена в 1908 году - 1909 году - по 15 десятин на мужскую душу. С той поры Медведск удвоился: много переехало новоселов. Но передела не было, хотя о нем говорили все настойчивее и настойчивее. Пашни бедноты - за десять километров. А кулачество, выменяв и скупив земли, угнездились возле села, на лучших местах. В 1928 году вопрос о переделе всю зиму не сходил с повестки собраний и заседаний. Разгорались споры. Слово «земля» редко кто произносил равнодушно.

- А хорошо тебе иметь на три едока 15 десятин. Ты бы вот посидел с моими семью на трех арендованных, другое бы запел, - прокричал середняк - новосел.
- Захватили, черти проклятые... Ишь, бороду - то распустил! Сколько у тебя в Чистиках земли?
- Да разве ж я против переделу? Только у меня пашня в Чистиках, а закон гласит, что мою землю в передел пускать. Земля там знаешь... Я ее по культурному обрабатываю, широкорядный посев, люцерна, опытное поле, пасека... Да ты разве поймешь!

- Нет, не понимаю! Умный какой выискался. Сколько там у тебя культуры? Полдесятины! А остальной посев такой же как наш. Переделить!
- Делить! К черту такую «культуру». Делить!
- Товарищ землемер, а как бы вот, скажем, нам в Чистиках получить?
- Товарищи! Я еще раз повторяю: кто хочет получить землю ближе - нужно организовываться и выезжать на поселки. Тогда земля будет рядом.
- Хорошо говоришь, товарищ землемер. А как я на поселок поеду, когда у меня одна кобыла, да и та хромая?
- Товарищ председатель, а нам как, вдовам?
- Зачем вам земля? Вам мужиков надо, - кричали в ответ.
- Иди ты к черту с мужиками. Тут дело говорят, а он шутки шутит.
- Товарищ Шатохин! Иван Василич, расскажи хоть ты, что нам делать вдовам? Тож в Чистяки охота
- Слушай, Елена, собирайтесь вы, вдовы, вечером в избе - читальне, - я с вами и поговорю. А тут бросьте орать. Ни черта не выйдет. Еще не раз будут орать. Соберетесь?
- Ладно. Я сейчас бабам скажу.

Такие сценки повторялись почти на каждом собрании. Село заворошилось. О переделе говорили на всех углах. Всем хотелось получить поближе, получше. Кулачество мечтало об отрубках, о «культурном» хозяйстве, которое не подлежит переделу, о пасеке, машинах, мельнице, тракторе. Не только мечтало, но и заводило пасеки, мельнице, тракторе...

Кто не знал в Медведске Шатохина Ивана Васильича? Нет таких. Все знали! Большое село Медведск, больше шестисот дворов, но Шатохина знают все. Да и не только Медведские. И окрестные села знают Шатохина. И как не знать его, - фронтовик, партизан. Это он с товарищами во время августовского восстания поджог мост на железной дороге около Черепаново, пытаясь задержать белогвардейский бронепоезд. Кто, кроме Шатохина, больше стоял за бедноту? Кто, не стесняясь, говорил в глаза кулаку, что он - кулак? Шатохин. Любила беднота Шатохина, верила ему, надеялась на него.

Ростом он мал, черен, балагур большой. Кулачество ненавидело Шатохина лютой ненавистью. Вечером в избе - читальне собралось 8 вдов, три - четыре бедняка да несколько середняков. Подошли ребята, давно уехавшие из Медведска и теперь отдыхающие дома. Это - бывшие «неблагонадежные» учащиеся Высшего начального училища, а теперь - комсомольцы, коммунисты, командиры частей Красной армии, учителя, АПО комсомольских райкомов и пр. Перекинулись словами о старинке, вспомнили отсутствующих и перешли на разговор о переделе. Их волновали медведские дела, хотя в село они приезжали раз в год.

Шатохин начал улыбаясь:

- Ну, батальон, собрался? В Чистиках землю получить хочется? Ну, дадут вам в Чистяках землю, что же вы с ней делать будете? Эх вы! Давайте - ка лучше дело говорить. На участок вам нельзя ехать: не чем, не на чем. Запишитесь на новый поселок, это значит снова - в ноги Ивану Архипову: «Перевези, пожалуйста, отработаю». И будете по два года отрабатывать. Так не годится. Верно?
- Верно - то верно, Иван Василич, а как же иначе? Достанется пахать за Гусихой, как же я туда пешком - то? А тут хоть поближе будет.

Разговор затянулся: на небе зажглись звезды, у нардома девки досыта наплясались под двухрядку, а в избе - читальне все горел огонь. Разошлись в полночь. Не знало кулачье Медведское, какой росток взошел.

Дома матери рассказывали детям:

- Ну, Тось, решили мы сегодня одно дело. Все Иван Василич да эти ребята.
- А что?
- Не знаю, что и будет. Проходу теперь не дадут. Засмеют. Скажут: «нищета, а туда же»...
- Да что у вас случилось?
- Коллектив мы организовали. Вот что случилось. Землю в Чистяках хотим получить.
- А кто это мы?

- Кто? Вдовы - вот кто. Два мужика к нам записалось. Марков и Хорошков. Хуже ли, лучше ли будет я и сама не знаю?

- Хуже не будет.

- Много ты знаешь. Не будет? А может будет?

Коротка летняя ночь, но разговоры в избенках в эту ночь были длинные. Тревоги, сомнения и различные предложения теснились не в одном мозгу. Неуклюжими комьями поворачивались мысли. Хуже или лучше?

Утром в сельскую комиссию пришли три человека и попросили устав сельскохозяйственной артели. Устава не оказалось. Пришлось ехать в Черепаново. Пришедшие сообщили, что вчера организовалась артель «Новая жизнь», записалось семнадцать дворов: 11 вдов, 3 бедняка, 2 середняка и учитель.

Артель требовала землю в Чистяках. На собрании взметнулись крики:

- Они организовались только для того, чтобы землю получить, а потом разойдутся всяк по себе.

Новые колхозники защищались.

- Земля что. Земля толчок. Поодиночке мы что сделаем? А тут в куче - сила. Машину заведем...

- Две, гляди дак, купите! На вшей, что ли?

- А может и две купим.

Артель была встречена в штыки. Но не прошли для Медведска бесследно дни партизанщины, работа ячейки, избы - читали, бедняцкого собрания. Через неделю возник тооз. К моменту передела организовалось еще два - три коллектива, выделилось 2 поселка.

Земля разделана «Новой жизни» отведены Чистяки, «Трактору» - за Родихой поселка - от Черепановской грани и по Колыванской дороге. Кулачеству были отведены оставшиеся земли в дали от села.

Уловки, подтасовки, спаивания и подкупу кулаками отдельных бедняков и середняков не дали победы. Кулачество потерпело крупное поражение. Взъяренный кулак взял ставку на развалку колхозов.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

При переделе «Новая жизнь», - вдовья артель с 63 едоками, 8 лошадьми, 2 плугами, 3-4 трудоспособными мужчинами, - получала более 300 га земли в Чистяках.

Тяжело было на первых порах, особенно весной 1929 года. На восьми клячах далеко не ускачешь, много не напашешь. А тут еще насмешки. Ребята пахали в одних трусах, а из реки с мельницы Хавкина несло:

- Эй, коллективщики! И штанов - то не осталось?

- Сам подпрягись, кобыла -то не везет!

- А баб - то у вас вдовых много... Поди мужиков не хватает? Я уж схожу поработаю, с которыми помоложе.

Ребята отмалчивались. А иногда не выдерживали и отвечали крепкими словечками.

К сенокосу подъехали отпускники, помогли сено: Записи вели кое-как и где попало. Учитывали только поденщины. Первые же месяцы показали, что и в таком маленьком коллективе есть лодыри. На пашне, возле избушки открыли собрание.

- Вот теперь смотрите, бабы, сами, - говорил председатель. - Я Захарушке сказал, чтобы он бороны поднимал, пырей выбрасывал, пока ребята боронят, а он удочки забрал, да удит. Опять же Ваня Гусь, ему сказали грабли делать, а он за ружье, да два дня где-то прошлялся. И не первый это раз. Захарушка вместо починки хомутов в избушке проспал весь день. Катя Кобыльчиха за четыре месяца два дня на работе была. А поек всем подавай. Вот и теперь и судите, что с ними делать.

- Выхерить, пусть не марают колхоз.

- Знамо дело, выхерить. Другим наука. В колхозе о работе больше надо заботиться, чем раньше дома.

Исключили. Осталось горсточка, но эта горсточка мужественно боролась за «Новую жизнь». Кулаки выкидывали новые уловки, подсылали к колхозникам их родственников, пытались расшатать колхоз. Но ни одного куска откололи от крепкой глыбы, чугунного ядра. По селу порхала новость. Все чаще и чаще начинали говорить о каком-то совхозе, что организуется возле медведских полей. Летели слухи о невиданных машинах, тракторах. Они воспринимали это с иронией, недоверчивостью, другие, услышав, украшали отсебятиной и, захлебываясь, передавали дальше. Село насторожилось.

В «Новой жизни», как робкий огонек, разгоралась надежда на помощь, которую принесет совхоз.

Стояли ясные июньские дни. Слухи в селе росли и становились настойчивее. Были очевидцы, рассказывавшие о постройке нового разъезда на Алтайке, о больших повозках, на который можно взвалить весь дом, о горах леса. Соседи вечерами разговаривали:

- Да где он, этот совхоз - то, будет?
 - За ягодниками, правей митинского хутора.
 - Вроде к нам в деревню собираются приехать.
 - Пока к нам приедут, наши - то вон уж поехали. Годька Парфенихин уехал на какие-то курсы говорят, в трактористы поступил.
 - Из Годьки толк будет! Ты смотри, что из парня сделали в красной армии, - золото, а не парень.
 - Наши - то колхозники загордились. Говорят: «Тракторами пахать будем».
 - Нападут! - зло добавлял кулак. - на лошадях - то не умеют, а на тракторе и подавно.
 - Заглушенные расстояния доносились незнакомые шумы.
 - Будто ветрогон гудит, да в роде хлеб теперь не время веять.
 - А можа ероплан, - говорил собеседник. - Помнишь, года два тому назад прилетал, ещё старика Мухина катали, так же гудел!
 - С юго-западным ветерком в село снова вливались непонятные шумы, ровные, не умолкающие ни днём, ни ночью. В тёмные ночи вдаль блестели тихо движущиеся светлые точки.
 - Не иначе трактора. Не ладится что-то у них, вот и гудят. То и гляди, что погонят нас помогать им. Застрянет какой-нибудь в согре, а мы вытаскивай, - вставлял своё слово кулак.
- Дни катились вереницей. Село начало привыкать к шуму. А на улице ребята приехавшие с пашни, говорили:

- Алёшка на совхоз ушел.
- Мишка Пахомов тоже вроде собирается.

Лиловый вечер тихо спускался в пыльную улицу. Вдруг её захлестнула шумом. Ребятишки застыли от удивления, попадали. Покачиваясь, мчалась локированная полоска с огненными глазами, остановилась у сельсовета. Минут через пятнадцать из здания сельсовета вышли исполнители и пошли в правления колхозов. А через час подростки оповещали колхозников на внеочередное собрание.

Лишь поздней ночью кончилось собрание. Решение было принято после двухчасовых разъяснений. По селу снова поползли злые слухи, а запродаже всех колхозников совхозу. Опять забегали кумушки, зашептались.

- Скорей! Скорей!
- А что? Пожар?
- Да нет, - кричат бегущие, - скорей!

Мужики, работавшие во дворах, торопливо выходили на улицу и сразу теряли свою медлительность. Ни на один пожар никогда не бежал так народ. А по улицам несся все тот же шум. Все ближе. Все громче. И будил: у одних радость, надежду на избавление от непосильного труда, нищеты, а для других звучал похоронным напевом о трех поденщинах за пол пуда. Бежал народ. В церкви звонили к обедне. Девяносто летняя старуха, с бадожком пробиравшаяся в церковь, остановилась и, прикрыв глаза рукой от солнца прошамкала:

- О, господи, не иначе светопредставление. Пойти поглядеть, - и, повернув от церкви, заковыляла за бегущими.

Шум разрастался. За Ситовкой показались тучи пыли. Ребятишки, рискуя на бегу перевернуться, бросились туда. Взрослые сгрудились на берегу речушки.

Показалась длинная лента серых машин. Они осторожно поднимались на ветхий мост. Не успели первые машины сойти с места как были взяты в атаку. Мужики ощупывали их, садились на крылья, на плуги, заглядывали во все щели, трогали каждый винтик.

На площадь перед сельсоветом пришло 18 тракторов и несколько автомобилей. Они окружены бушующие, радостно возбужденной толпой. Сотня стенографистов не смогла бы записать все замечания и сравнение:

- Этот вздерет!
- Вот лемехи, так лемехи!
- А глянь...глянь... четыре лемеха. Сразу, поди, ползагона захватит.
- Вот это шутка!

Ребятишки, захлебываясь, радостно сообщили:

- Мосты не держут, а те там есть еще семилемешные!
- После его, поди, и перепахивать не нужно?

Чудные, серые кони не лягались, отбивались от мух и летнего овода, не потели в июньскую жару. Ребятишки окружив трактора, оценивали полезность стальных коней по - своему:

- Вот, поди, как боронят, так через тяж переступает.
- Да и не пристанет. Только керосин подавай!
- А станешь садиться, так наверное не кусается, как наш Рыжко.
- А что же копны на нем можно возить?
- Ну, копны он стог упрет сразу!

Молодежь. Блеск глаз и говор:

- Тоська, посылай своего Гаврюшку на курсы. Досыта накает!
- Сама поеду!
- Ехало не везет!
- Повезет. А ведь, девоньки, верно вот бы на курсы. Да только грамота наша.
- Прост правление колхоза. Пошлют.
- Пошлют как же. Вон у нас ребята шлындают. Правление их пошлет.

Приплелась девяностолетняя старуха и, взглянув на машины из - под ладошки, тяжело вздохнула:

- Говорила: не иначе светопредставление, так оно и есть.
- Верно, бабка! Светопредставление. Старый свет кончается, новый начинается, - крикнул кто - то из молодежи.

После короткого митинга трактора разбились на несколько колонн, раздалась команда и машины пошли на колхозные поля - подымать целину. Гроздя людей, веся на крыльях, примостившись на плугах, далеко за село провожали стальных коней. В следующие дни по селу деловито бегали грузовики со сменами трактористов, с бочками керосина, масло и прочим фуражом для новых коней.

А через неделю мужики от удивления хлопали руками по бедрам:

- Вот сукины сыны взодрали, так взодрали!
- Гляди, Семеныч, нейначе вершков семь, глуби будет!
- Целину подняли!
- Да тут возьмут хлеба!

Пахота явилась лучшей агитацией за колхозы. Пахота тяжелыми пластами придавило языки у кулачества. Трактора помощи не просили. Если где в мягкой и сырой земле у согры, трактор и застревал, то он отцеплял плуги, заезжал с другой стороны и сам их вытаскивал, обходился без лошадиной помощи.

Трактора подняли в селе целый пласт. Молодежь стала одним из лучших агитаторов за коллективизацию. Все чаще и чаще в семьях вспыхивали споры:

- Да ну его к черту вашего Хавкина, не пойду к нему полоть. На черта он сдался. Сколько вам говорю: давайте запишемся в колхоз.
- А жрать в твоём колхозе что будем?

- Хлеб.
- Соберется 3 - 4 лодыря, много вы выработаете?
- Да сколько поработаем - все наше, общее, колхозное. А лодыря можно усостыть. Вон «Новая жизнь», было 13 хозяйств, а теперь больше 30.
- Дурная ты! Кума Аксинья была там, так она говорила, что эти колхозы на манер барщины. Сперва запишут, а потом из города начальника пришлют и будет он досматривать за всеми.
- Известно, ваша кума трепло хорошее.
- Трепло! Да у ней в пятках ума больше, чем у тебя в голове.
- То - то она с умных пяток, да с дурной головы да распускает кулацкую брехню.
- Отвяжись ты лучше, не чистая сила, а то вот сковородником отвожу, прости ты меня, господи!

Есть пословица, что капля долбит камень. В Медведске каплей являлась молодежь. И часто после споров, ругани и шума, робкий на людях и слишком смелый дома, отец шел в один из колхозов и, как - бы нехотя, говорил:

- Писани - ка ты меня в этот колхоз, спокою окаанный не дают, да и девка как сдурела. Ну, опять же и кум Николай советует, - он в «тракторе» состоит, - говорит: «ничего, работать можно».

С каждым днем менялся Медведск. А рядом рос совхоз. По-прежнему доносился шум, но теперь он понятен. Когда шум раздавался ближе - это значило, что совхоз идет на помощь.

КОНЕЦ СТАРОГО МЕДВЕДСКА

Осень 1929 года застала Медвелск с пятью колхозами. Самой спаянной была артель «Новая жизнь». Увидев победы артельщиков, бедняги и середняки брали за бумагу и старательно выводили: «Заявление в колхоз». Ноябрь и декабрь дали бурный рост коллективизации. Ежедневно заявления в правления колхозов поступали десятками. Правленцы почти непрерывно заседали. Бывало в один вечер принимали по 70 и более хозяйств. В течении нескольких дней артель удвоилась, утроилось, учетверилось. И Медведск не избег «головокружение от успехов». Артель «Новая жизнь» была переведена на устав коммуны. Обобщалось все, в плоть до кур. Организация ухода за обобществляемым скотом далеко отставала от роста стада. Скот худел. Начался падеж. Не современный привоз кормов, не оборудование помещений и ряд других неполадок и неувязок дали кулачеству крупный козырь. От кулац-ких дворов волнами катились слухи: о смотровых одеялах, и о поголовной записи всех в колхозы и пр.

По селу гуляли пущенные кулаками контрреволюционные частушки. Медведск пережил одну из тяжелых ошибок. Погоня за голыми цифрами, за количеством, без подъема и закрепления качества, слабая организация всей работы колхозов дали себя почувствовать в начале января 1930 года. Начался отлив. У многих опустились руки. Кое - где началась паника.

- Вот валится все... Десятками уходят...

Но после статьи т. Сталина «Головокружение от успехов» допущенные отдельными коммунистами, а иногда и районными организациями ошибки исправлять на ходу: коммуны были переведены на устав сельскохозяйственной артели, правление колхозов освобождены от забот о курах и гусях. Непрерывная работа партийной ячейки, осознавшей свои ошибки и взявшей по - большевистски за исправление их, за укрепление и подъем качества работы колхозов сдала перелом. Началась резкая борьба за качество всей работы. Приближалась первая большевистская весна. Время требовало немедленного переключения внимание на подготовку к севу.

Сортировали семена, готовили инвентарь. Село захватывала жестокая классовая война. Кулачество через своих агентов вело работу по взрыву колхозов внутри. Противник был невидим во время атаки, но он чувствовался. Нужно было примером, разъяснением разбить его. Иногда кулачество недвусмысленно обещало расправиться с испытанными бойцами на фронте осуществление генеральной линии партии.

Первая большевистская весна была проведена по - боевому. Планы у колхозов были выше, даже отбрасывая помощь со стороны совхоза, чем в единоличном секторе, но эти планы были выполнены ранее и лучше, а некоторыми колхозами даже перевыполнены. Это лишней раз подтверждает преимущества коллективного труда.

Умирал старый Медведск. В трудностях роста рождался Медведск колхозный. Кулачество своей вредительской работы не прекращало. Слухам стометровых одеялах, запродаже колхозников совхозу и пр. Теперь никто не верил. Кулацкие агенты кивали на уравниловку, обезличку, на распределение доходов не по выработке, а по душам:

- Лодырей разводят.

Колхозы с честью закончили уборку первого большевистского урожая. Досрочно выполнили взятые на себя обязательства по сдаче хлеба. Рос Медведск колхозный!

В один из солнечных августовских дней, по Черепановской дороге, к селу спускалась с горки деревенская девушка. Ей хотелось, несмотря на пройденные 25 километров, броситься бегом, но было немножко стыдно - «смеяться будут», а ведь она теперь - трактористка.

Вот и покосившаяся избенка матери. Ничего не изменилось.

- Доченька, приехала!

- До Черепановой ехала, а от Черепановой - пешком.

- Раздевайся. Я сейчас самовар поставлю. Гляди - ка, Манька уж бежит.

За самоваром Тоська рассказывала матери и двум подругам:

- Больно трудно было сперва. Приехали мы в Черепаново, оттуда - в Новосибирск, а я в городе ни разу не была. Чудно все! Два дня прожили мы там, потом на автобусе отправили нас за Ельцовку в лагеря ОСО. Курсы там были. Ну и начали учиться. Спали в палатках. Учимся, а грамота какая? Училась я у Ивана Архиповича на полосе, да только не грамоте. А тут книги, да чертежи всякие. Которые девчонки до этого работали на тракторах, тем легче, а я и трактор - те издали видела. Подучилась немного и - на практическую езду на разных скоростях. Трактор у нас джон-дир был, да старый, как черт, больше ремонтировали, чем ездили. Все это ничего, пока шил: блок цилиндров, радиатор, рулевое управление - это я понимала хорошо. А вот как дошли до карбюратора, да до магнето, вот тут я и села. Никак не пойму. Там эти километры: смесительная, поплавков, ну никак. Иголка там, а я знаю вот иголку, что шьют. Билась, я билась, прямо дурная стала. Пришла к Верке, - из Тулы была там одна, она два года на тракторе работала, - и развелась. Говорю: «Ни черта не пойму и учиться охота, а придется бросить - не пойму. Уеду, говорю, лучше в колхоз, там работать буду». Девчонки, которые с ней были, меня на смех подняли. Эх, ты, говорят: «Карбюратор со слезами». Так меня и прозвали.

- А Верка?

- Верка засмеялась, не плачь, - говорит, - поймешь. Два дня после уроков со мной занималась. Заставила разбирать, да собирать этот карбюратор, а сама рассказывает. Теперь я этот карбюратор наизусть знаю.

Стыл чай на столе. Мать любовно напоминала:

- Пей, Тось, потом расскажешь.

Но Тосю трудно было унять. Подогреваемая расспросами подруг. Тося рассказывала, будто перед ней стоял трактор, с таким трудом усвоенный. С губ срывались знакомые и теперь родные слова для Тоси: радиатор, блок цилиндров, дифер, интер, фордзон и др.

Мать ушла управлять по хозяйству. Темнело. Девчата вышли на крыльцо. И вдруг лукавый голос Маруськи:

- Тось, а с Гаврюшкой как? Он про тебя часто спрашивал.

- Как? По прежнему. Я ему сказала, пока не отслужил, пусть и не думает. Видела я, как сестра без мужа в семье жила, живут чуть не вечно, ладно Нинка зубатая. Вот отслужил, тогда посмотрим, сказал слепой, - со смехом закончила Тосья.

- А мы думали осенью на свадьбе погулять. Тоськина мечта осуществилась. Тоська стала трактористкой.

ВТОРАЯ ВЕСНА

Прошел год. Много изменилось. Выросли окрепли колхозы, готовились ко второй большевистской весне. Семена отсортированы. Смешно заканчивается ремонт инвентаря, сбури.

Рабочие лошади поставлены на лучший корм. Снег почти прошел. Пообсохнет земля и можно выезжать.

Общее собрание колхозников «Новой жизни» решает проверить свою готовность. Пробный выезд должен явиться экзаменом. Он назначен на 12 апреля.

Последние ночи перед выездом отдельные бригады и колхозники не спали. Шел спор о чести называться первачами. Какая бригада возьмет первенство? Какая бригада даст наилучшие показатели?

11 апреля. Все готово. Завтра пробный. В какое время? Никто, кроме правления, не знает. Бригадиров засыпали вопросами, но они отвечали:

- Сами не знаем. Выезд по особым сигналам. Многие колхозники с вечера явились в свои бригады, еще и еще раз проверили. Все готово. Когда же сигнал? Многие ночевали в своих бригадах.

Серое апрельское утро. Дул холодный ветер, изредка пролетали снежинки.

В 9 ч. 30 мин. Раздался сигнал.

В 9 ч. 43 мин. Выехали трактора.

В 9 ч. 52 мин. - бороноволок.

В 9 ч. 58 мин. - плугари.

Растянулись полукилометровой лентой. Впереди - трактора, за ними парами бороноволоки и плугари, тройками севачи, далее - обоз, поливая кухня. Размахивая красным флагом из школы высыпала детвора. Шумным роем проводится ребята на телеги. Где - то в середине затянули песню.

Бодрое радостное чувство! И это... в первый день пасхи. Пьяный, мордобой обжорливой пасхи. Вместо гнусавого пения звона колоколов слышится серебристые голоса детей, гул тракторов, лязганье прищепных орудий. Сегодняшний колхозник далеко оставил позади вчерашнего единоличника. Нет сомнения, что и сегодня после пробного выезда, некоторые заглянут в рюмки, у многих в печах найдется запас гуличей, но их все таки единицы, через год - два исчезнут и эти единицы.

...В селе сплошная коллективизация, на основе которой кулачество ликвидируется как класс. Каждый день занесен в красную книжку. Каждый день - исторически.

10 мая 1931 год - начали работу по выявлению кулачества. Несколько кулаков пробрались в колхозы и там спрятались. Хорошо, когда в ячейке есть ребята, знающие село за пятнадцать лет. Вечером проводим персональный просмотр бедноты и с лучшими начнём просматривать и колхоз, и единоличников. Затем - собрание ячейки, бедноты колхозов и единоличников. Вчера нам сказали: « Если заденете хоть одного середняка - будете привлечены к суровой ответственности ».

12 мая. Утро. Вчера провели через собрания вопрос о наиболее крепких кулаках. Вообще о вчерашнем дне стоит записать. Ликвидируется последний класс угнетателей.

Подготовка к выселению идёт во - всю. Кулаков - семей около 20, сколько утверждают окончательно - не знаю. Контроль за нашей работой очень внимательный. У нас не хватает людей. Идёт вторая большевистская весна. Весь актив в поле. Один из товарищей попросил меня сходить с ним произвести опись имущества у одной кулачки: подлежащей к выселению в бесспорном порядке. Пошли. Очень долго стучали. Наконец, открывают. Входим.

- Хозяйка, опись у вас нужно сделать.

- Да у нас же всё распродано и описывать нечего, живём на квартире в чужой избёнке, пока хозяин приедет.

- Ладно, что есть, то и опишем.

- Начнём. Ты пиши, а я буду говорить. Хлеб, хозяйка, есть?

- Нету. Так с пуд муки на базаре ребятишкам купила.

- А под печкой что?

- Вот это и есть.

Вытаскиваю из - под печки куль муки пуда три. Под кроватью - два куля пшеницы.

- Это не наше. Это хозяин на семена привёз.

В изголовьях на кровати - ещё куль пшеницы. На печке - пол куля пшеницы и куль проса. Полкуля пшена ...

- А в голбце ничего нет?
- Да и голбца нет, так, ямочка...
- Открываю. Темно. Зажег спичку. Из темноты блеснули глаза, что - то засинело. Мне показалось, что там кошка. Спичка погасла.

- Эй, кто там?

Молчание.

- А ну, вылазь!

Не вылезит

- Вылазь, дядя, хуже будет!

Показывается взлохмаченная голова, а потом - синяя рубаха.

- Сам хозяин явился, - смеется мой товарищ. - Садись пока.

Лезу в голбец. Вместо ямочки - большая яма с бочками, хомутами, флягами и пр Бочка с хлебом. Жгу спички. Пересчитываю. Товарищ пишет. Кончил, начинаю вылезать. Под ногами - дощечка. Я оступился и дощечка отлетела. Куделя. Пробую землю ногой. Мягкая. Разрываю попадается тяжелый узелок. Разрываем и видим серебро советской чеканки, позеленевшего от долгого лежания в земле. Товарищ советует ещё раз спустится. Лезу. Обращаю внимание на каждую мелочь. Вот старая эмалированная чашка с гвоздями, изломанными подковами. В чашке нет нечего. Но под чашкой в земле кулёк с деньгами После моей находке хозяйка заявляет: «Я от детей прятала, чтобы не уташили. В этом кулёчке всего триста рублей». Считаю. Оказывается 157. Видимо, триста лежат где - то в другом мести. Я снова спускаюсь в голбец, хозяйка хозяин, кто его знает, чего напиртал».

- Ну, а теперь открывай ящик.

- Только я новую шубу не дам.

- Да мы и брать ничего не будем. Только спишем

Открывает. В ящике: новая шуба, две пары новых пимов, три пары новых ботинок, бельё и спичек, спичек... больше 400 коробок.

- Зачем же спичек столько?

- Сдачу все давали.

- Хороша сдача! На две пятилетки хватит. Возвращаемся в сельсовет вместе с обнаруженным кулаком

16 мая. - Вчерашней день богат событиями. Нужно хотя коротко, не записать. Прежде всего о хозяйке, где я, по милости сельсовета, на квартире. Пожил я у ней с полмесяца и меня заинтересовал вопрос, почему она не лишена права голоса, не обложена индивидуально. Взглянул с ребятами раскапывать и оказалось - ускользнула. Муж - бывший жандарм. До 1928 торговали. Все время имели работников. В 1928 году самораскулачились, оставив себе лошадь, корову и пасеку. Все время держат квартирантов. Возят на бозар молоко, масло и мёд, продают по полтора рубля стакан. За хлеб работали у них подёнщики. Свидетелей, подтверждающих это, много. Проводим вопрос через партячейку и собрание бедного. Во время описи у них найдено: пудов 40 муки сеянки, пуда два мёда, мясо, масло и пр., золото в пятирублёвках, золотые кольца и браслеты.

Это - дневная работа, а ночью... По имеющимся у нас сведениям из города прибежал за семьёй один кулак. В два часа ночи товарищ из сельсовета показывает угловой дом. Проходим мимо. У ворот сидит парочка. Входить неудобно. Идём второй, третий раз, а парочка всё ещё сидит. Вспомнилось: 5 - 6 лет назад и я вот так же ночи просиживал. А вот теперь я должен помешать им. Быстро подходим, а они даже не замечают нас.

- Детку! - почти шёпотом говорит член сельсовета.

«Детки», разомкнув объятия. Бросились в разные стороны, видимо, приняв нас за сердитых родителей. Входим во двор. Заглядываем туда и лицом к лицу сталкиваемся с хозяином. В ограде стоит запряжённая в телегу лошадь.

- Далёко ли собрался?

- Да... в город хотел.

- Пойдем - ка до сельсовета дойдём.

- Я, товарищи, утречком сам приду.
- Нет, уж лучше сейчас, с нами.

Видимо сидевшая у ворот парочка помешала ему удрать. И так работали мы всю ночь. Во всем помогают нам колхозники. Они за каждым кулацким двором смотрят зорко. Описи имущества кулаков произведены. Дело за утверждением.

Три часа утра 18. - я хочу спать, что, кажется, мог бы уснуть на зубьях бороны. Но в такие ночи не спят. Вижу, что и ребята, и секретарь партячейки, и председельсовета, и предколхоза, и актив - измотались. План отправления разработан детально. Сколько натурфонда, какой инвентарь, скот, где взять, куда доставить, все точно определено. Выселяемым кулакам оставляем всего с таким расчетом, чтобы можно было развернуть своими силами натуральное хозяйство. Хочу уснуть часа хоть два. Пришли ребята. Подежурят.

Девятнадцатое мая, шесть часов утра. - Один из кулаков сказал, что у него под баней зарыто серебро и деньги. Пошел с ними милиционер и член сельсовета, оказалось 43 рубля серебром и 440 червонцами.

Вечером проводим собрание. Сейчас все силы - на вторую большевистскую.

ТЕМНОЙ НОЧЬЮ

Колхозники убрали урожай. Правление артели не спало ночей, стремясь за хорошую погоду закончить уборку и обмолот. В полях ночи на пролет гуде комбайны. Они пришли помогать колхозу. Но основную помощь теперь оказывала МТС, организованная весной 1931 года. Все торопились. Приближалась осень. Изредка моросил мелкий дождик.

Коллективизация в селе закончена. Осталось 16 хозяйств единоличников из 642. Шла борьба за укрепление колхозов, за повышение выработки, за ликвидацию обезлички.

Кулачество разбито, но подкулачники есть. Ячейка, сельсовет, колхозы и актив дрались за досрочное выполнение плана хлеба - и мясозаготовок. Проводились собрания по бригадам, по участникам, по колхозам. 11 октября собрание на участках окончились поздно. Группа активистов, во главе с председателем сельсовета Шатохиным, возвращалась с собрания. Вдруг на дорогу вывернулась женщина.

- Иван Василич, постой минутку.
- Что скажешь?

Председатель остановился.

- Знаешь, Иван Василич, мне надо тебе по секрету слово одно сказать, да боюсь я тут, - бормотала Полудница.
- Вот, чудачка. Что ты боишься? Говори.
- Ночь темная, кто-нибудь услышит, а мне беда. Зайдем ко мне на минутку.
- Ну, ладно. Идите, ребята, а я вас догоню - крикнул он, удаляясь. От ворот добавил: - А завтра чуть свет - по участком. Ты Огнёв, утром в совет забеги...

В избушке вспыхнул огонёк. Шатохин утомлённо опустился на лавку.

- Иван Василич, пересядь на табуретку а то лавка грязная - сказала хозяйка.
- Ладно. Ты дело говори. Некогда мне. Спать хочу.

Шатохин пересел на табуретку. Полудница прижалась к печки. В окно глядела тёмная ночь. Председатель нервно стучал пальцами по столу. Хотелось спать. Вдруг зазвенело разбитое окно. Выстрел прозвучал глухо.

... Шатохин бросился на улицу, но в сенях, обливаясь кровью упал... Кто - то впился в горло.

Осенью светает поздно. Долго моросит дождь. Тяжёлые тучи слабо пропускают лучи солнца, держащегося на горизонте. Село подымается задолго до рассвета.

На рассвете Огнёв торопился в сельсовет. Спускаясь к речке, натолкнулся на человека.

- Эй, товарищ, домой пора. Поднимайся. Лишнего хватил.

«Товарищ» лежал, неестественно подогнув руку и запрокинув голову. Огнёв наклонился. Рука дотронулась до чего - то липкого. Посмотрел - кровь. Вновь наклонился, чиркнул спичку и вздрогнул.

- Эй, кто там есть? - крикнул он. - Шатохина убили.

Никто не ответил. Огнѐв бегом в сельсовет. Через час поставлен караул.

Никогда не видели Медведские колхозники слѐз на лице председателя сельхозартели тов. Арабкина, а тут сообщая по телефону о происшедшем, Арабкин плакал. В райкоме и райисполкоме сначала не поверили, но через час позвонили:

- К вам выехал следователь и врач.
- Рассветало. Огнѐв стоял у дома Полудничиной. Вчера он здесь оставил бодрого и уверенного в себе Шатохина. Подошёл к двери - не заперто. В сенях и в комнате - свежо - вымытый пол, с тѐмными, кровяными пятнами.
- Полудничына, от тебя куда Шатохин ушѐл?
- А почѐм я знаю, - слышалось с печи.
- Ты, что - то, девка, больно рано управилась?
- Где рано? Рассвело уж.
- А что за кровь у тебя на полу?
- Петушка колола, вот и кровь. - Она отвечала отрывисто.
- Большой видно петух был, гляди, сколько крови. Все пазы залиты. Пойдем в сельсовет.
- Зачем? Ты что, меня подозреваешь? Так я тут при чѐм?
- Ладно, там разберѐм. Собирайся живее!

Холодные строчки протоколов следствия и актов медицинского вскрытия говорят: «Под крышей найдено телега, запачканная кровью человека. Разбито окно наружное, вместо него вставлено внутреннее. Дробь «32 дробины» частью вошла в голову в лицо Шатохина и частью в стену. Стена свежо выбелена. После выстрела Шатохин был задушен.

У фактического убийцы Шатохина - Рязанова - было найдено более 200 пудов хлеба. На собраниях Рязанов всегда кричал «хлеба нет».

Общее собрание приняло постановление: «Принять за полное обеспечение семью т. Шатохина до совершеннолетия детей. Просить ВЦИК назначить семье тов. Шатохина персональную пенсию. Потребовать от пролетарского суда применения к убийцам высшей меры наказания».

ТАСЬКА – БРИГАДИР

Быстро меняется лицо Медведска, но еще быстрее меняется лицо молодежи. Сбываются мечты. Темно - серые, стальные кони, - невиданные машины еще недавно пугали своим шумом, обилием частей и не понятностью, конструкцией, становятся близким, знакомым. Слово: трактор, комбайн, МТС, совхоз - вошли в быт.

Вместо школы с одним учителем в Медведске - школа колхозной молодѐжи с вечернем отделением для взрослых, ряд курсов - 19 учителей. В Медведске учатся больше трети всех жителей. Учатся строить жизнь по-новому. Во многих домах появились громкоговорители. Тонкая паутина проводов соединяла дома колхозников с местным трансляционным узлом. Среди молодѐжи всё чаще и чаще разговоры не о платьях, нарядах, вечерках и драках, а о технике, о машине. Встречая подругу после двух - трёхмесячного отсутствия из села, девушки слушают повесть о первой поездке на тракторе:

- Маруся, расскажи как первый раз на тракторе ехала.
- Нечего и рассказывать. - А у самой желание и гордость: « Вот ведь, два раза рассказывала и ещё спрашивают!».
- Ну, скажи!
- Да чего расскажи. Кончили курсы, послали нас на МТС. А на тракторах на курсах сколько мы ездили? По два по три раза. Два трактора, а нас гавриков 400 человек. Приехали мы в МТС, разделили нас по бригадам. Я к подружке попала. Думаю: «Хоть и бригадир Тоська, а всё ж подружка». И она смеётся. «Помнишь, говорит, мой карбюратор со слезами, смотри, чтоб у тебя подшипники вместо масла со слезами не оказались. Приехали мы на поле, в бригаде 4 трактора и 12 рулевиков, да Тоська. Трактора новенькие «Кейсы», а учились мы на «Интере». Зажурились ребята. Вот стали лагерем. Полевод указал, какие полосы пахать. Провели собрание. Тоська ещё раз рассказала какая норма, как смотреть за мотором, да много кое - чего. Заправили трактора.

Перед пуском Тоська ещё раз повторила: «Гляди за мотором, заметишь что - беги за мной или за механиком; сами пока не выучите, машину не троньте, а то угробите» Машины заправили. Тоська кричит: «Ну, готовы?» - «готовы». - «машины проверили?» - спрашивает она - «Проверили» . «Заводи», - крикнула и махнула рукой. Уцепилась я за крюк а машины новые, заводка тяжёлая. Раза два повернула. Мотор захлопал и остановился. У ребят машины гудят, а я ещё не завел. Уцепилась я снова за крюк и запалом раз пять подряд крутанула. Загудел и мой. Впереди поехали которые раньше работали, а я сзади. Тоська на крыло села. Смеётся. «Ты, говорит, не бойся, посмейся». А мне чудно: 40 сил, а руль чуть - чуть повернёшь и машина повёртывается. Еду, гляжу, что - бы одно колесо по борозде шло. Проехала Тоська раз со мной, к другим ушла. Езжу. Машина идёт, кажется, и ночевали - б на ней, Проехала ещё раз, а пахали залежь, полынь, березка проклятая навивается. Оглянулась, а у меня плуги поверху елозят. Что делать? Нажала я педаль, стала машина. Убавила газ, повернула ручку скоростей. Вычистила плуги. Теперь надо пустить. Сама. Одна. То мы пускали при механике, при бригадире, а теперь одна. Села, нажала педаль, поставила первую скорость, прибавила газ и зажигание перевила на раннее и пускаю тихонько педаль. Дёрнуло. Поехали! Обрадовалась я, хоть пляши! А через неделю пахала во всю.

Другие подружки тоже хотят рассказать:

- А Стешка было машину угробила.

- У нас Гребенюк расплавил подшипники. Судили.

Месяцев через шесть я встретил сестру, Тоси.

- Ну, как трактористка?

- Беда с ней.

- Какая?

- Не узнаёшь теперь ее. Остриглась. Ходит в брюках. Сама вся в керосине, масле.

Премировали ее два раза. Сейчас в МТС трактора ремонтирует. Загордилась.

- Это чем же?

- Да ты знаешь, она - ж крутила с Гаврюшкой, мы и думали, что женятся, а потом, слышу я, говорит, с Пучковым связалась, а тот разведённый. Написала я ей письмо, она мне и отпела. Вот почитай.

Развёртываю исписанные листки. Читаю. «Ты пишешь, что говорят, будто я кручу с Пучковым, а он разведённый. Делать кому - то нечего, он и брешет, а ты веришь. Ты бы помыла каждый день трактора в керосине, поработала бы по - ударному, так не то что Гаврюшку, а мать бы пожалуй за такие разговоры послала к матери. Когда мне нужно будет выйти, так у вас не спрошусь, за Гаврюшку или за Пучкова. Пучков машину - то лучше Гаврюшки знает. Наша бригада, а Пучков наш бригадир, другую бригаду на целый трактор обогнала...»

Ещё больше я удивился, когда в мастерской МТС увидел Тосю. Исчезла застенчивая, полуграмотная, деревенская девушка. Передо мной стояла крепкая работница, в синем комбинезоне, с ключами в кармане. Она сердито подала на стоявшего перед и улыбающегося парня:

- Вот растяпа! Ну, куда ты дел шайбу от передка? Теперь передок под машину нельзя ставить.

Ищи, а то будешь делать сверхурочно.

Так поменялась Тося, что трудно узнать её. Теперь она - бригадир. А сколько за эти 2 - 3 года появилась таких Тосек?!

УХАБЫ

Было в Медведске несколько колхозов. И на поселках, раскиданных по степи на 10 - 15 километров от села и друг от друга, выросли колхозы. Летом 1931 год люди, погнавшиеся за большими цифрами, вскружившие головы другим, заговорили:

- Чего там путаться с несколькими колхозами. Даёшь село - колхоз!

- Вели все шестьсот дворов и один колхоз «Новая жизнь»!...

И хотя на собраниях рядовые колхозники поговаривают: «Не повременить - ли с этим делом?» - гигантомоны настояли на своем. Вскоре колхозные стада слились в одно стадо, свезли инвентарь в один двор, притащили все дела камазов в контору быстро и слепо рожденного гиганта.

Утрами в колхозе толпились колхозники, не зная кому за что взяться. На колхозном дворе гуляли непорядки недоделки, управленцы глядя на потолок, писали: «Все благополучно, все хорошо!»

Открывая производственное совещание Арабкин встал. Волнистые волосы качнулись над столом:

- Нет плохих колхозников, а есть плохие руководители, - сказал он.

Речь его прервал неожиданный скрип дверей. Бригада печати, приехавшая из города, была неожиданной. Организационно - хозяйственные укрепления. Арабкин, когда городские товарищи расположились за столом.

- А как у вас с построением бригад? - спросил один из приехавших.

- Великолепно! - без запинки отвечал председатель. - Постановление ЦК ВКП от четвертого февраля мы проработали.

- А постановление Колхозцентра?

- Не успели, - голос его на минуту оборвался, на, тряхнув головой он продолжал: - бригады мы организуем так: по речке Малухе живут - бригада, за мостом - вторая, за речкой Ситовкой сорок дворов Орловских переселенцев - третья бригада называют Чалдонской.

- Что это у вас за деление «козуны», «чалдоны», ведь колхоз - то один?

- В привычку вошло. Раньше их так звали.

- Так у вас, выходит бригады - дворки?

- Ничего подобного - вспотев, Арабыч растегнул ворот рубашки - еще три поселка выходят и наш колхоз. И в каждом посёлке бригада. И их мы руководством охватываем.

- Да про ваш колхоз «Правда» в образ печати от 21 марта писали.

- «Правда» указала вас нужно не хвалить, а лечить.

- Приезжий говорил горячо.

Арабов вскипел:

- Для вас печать не закон. Со всеми задачами справимся. - Передохнув продолжал:

- Каждую бригаду мы производим на хозрасчет, - у вас всего 11 бригад - и идем по типу колхоза.

Долго понимали ему, что не в коем случае нельзя переносить в колхозы методы управления совхозами, что совхоз - государственное предприятие, а колхозное хозяйство есть хозяйство объединявшихся в колхоз крестьян. Арабкин закурил, хмурясь.

- Как у вас с ремонтом сруи и инвентаря? - спросили бригадники.

Председатель бойко ответил:

- Всё готово. Ремонт закончен, лошади хорошей упитанности, фураж на посевную забронирован, хоть - в поле.

В комнату вбежал бригадир.

- Сена нет. Чем коней кормить? - кричал он.

- Как это нет? Почему нет? - закипятился Арабкин.

- Очень просто, - пояснил животновод. - Зимой сено валили скоту под ноги, да в поле по стогу побросали.

- Моя бригада двадцать возов брошенного сена собрала, - сказал бригадир Гусельников.

Таранов ругаясь отошел в сторонку, пожаловался сотруднику газеты:

- Посуди сам, какие порядки у нас. Я и свиновод, овцевод, и животновод, и черт его знает кто, я и бригадир полевой бригады. Вот тут и подготовься к севу. Тут выяснилось, что к разной бригаде имеется разный скот, а специальных животноводческих бригад «Новой жизни» нет. Получается из бригады маленький и самостоятельный колхозник.

Лучи апрельского солнца плескались по крышам домов. С «Красной горки» вереницей тянулся обоз из - за Шипуниху: гремели колёса, гремел лёд, стучали лошади копытами. Улицы наполнились громом. Блестели на солнце отвалки плугов. Слышались песни и крики, площадь наполнилась людьми. ...

На трибуну взбирается бригадир седьмой бригады т. Гусельников. Он скуп на слова:

- Моя бригада, - говорит он, - к севу готова. План в пятьсот гектара посева мы выполним в срок. Объявляем себя ударниками.

После митинга комиссия приступила к осмотру.

- Пятая бригада запряга-а-а-ай! - Прокричал Арабкин.

Звякнули плуги и сеялки. Снова шум заполнил площадь.

- Знаешь норму выработки? - спросил первого бороноволока.

- Не знаю.

- А то, что у тебя? - снимая узду с лошади, заметила комиссия. Подбородников у узды не оказалось.

- Провалили, ех бы, тюри! Уж этого не смогли сделать.

Бригадир Хаскин взволнованно бормотал:

- Это мелочь, доделаем.

На смотру - шестая бригада. У ней лошади не пронумерованны, хомуты скверно подогнаны, на инвентаре и сбруе нет номеров.

На смотр надо было вывести 75 лошадей, а выведено только 45.

- Почему не все лошади?

Бригадир молчит. За него ответил ветфельдшер:

- Спины сбиты. Часть лошадей обовшивела. Вот оно видишь? - отодвигая седелку, фельдшер указал на сбитую спину лошади. Лошадь съежилась, взвизгнула и косо глянула на бригадира.

- Кто виноват в этом деле? Спросил член комиссии.

- Обезличка! Сказал фельдшер. - Конюхи за лошадьми ухаживают сообща, в общем дворе, яслей нет. Приехал колхозник, снял с лошади узду и все. Никто от него лошадь не принимает. Здоровая она или больная - безразлично - пихнул во двор и ладно. Вот почему у нас не все лошади на смотру. Если мы не ликвидируем обезличку, они и на сев у нас не все выйдут. Мне надоело лечить, - он с сердцем сплюнул и отошёл в сторону.

- Да, кулаков из конюшни уберите, - кто - то тихо, точно боясь, проговорил в толпе.

В шестой бригаде сеялки оказались не отремонтированы. У многих сеялок не было колец. Посевщик Свежинцев норму высева не знает. Ключ оказался поломан.

- Чем будешь гайки подкручивать?

- На три сеялки есть один ключ и хватит.

С большими недостатками прошли смотр все восемь бригад.

- А где, же ещё бригады? У вас же 11 бригад?

Арабкин, краснея, ответил:

- Они в посёлках.

- У нас из правления колхоза никто не был целый месяц. Обидно становится даже - Рыже бородый мужчина махнул рукой и плюнул.

- Где это, у вас?

- Да на посёлках. Они только считают нас своими, - он указал в сторону Арабкина, - а что там делается не знают.

Он смотрел в глаза Арабкину. Председатель смущённо кашлял: - Это правда, мы у вас не были, признался он.

Медведские колхозы имели больше достижения. Гигантоманы и аллилуйщики в роде Арабкина, говорящие, что указания. ЦО нашей партии «Правды» для них не закон, слив колхозы в один колхоз - село, подорвали колхозные хозяйство.

Уроки Медведска показывают, к чему ведет забвение решений партии, невыполнение директив, куда ведет та ухабистая дорога, на которую люди со вскружившимся от прошлых успехов головами повернули медведские колхозы.

Нет Медведска разгульного, с ямщиками тройками, с кандалами, звенящими по унылому Сибирскому тракту. Нет и Медведска с разгулом кулацким, разговорами «три подёнщены» пьянства, темноты, нищества. Нет старосты Медведска!

Но Медведску многое нужно ещё сделать, чтобы стать новым. Первым делом надо вымести из колхоза кулацкий сор и выполнить решения партий о колхозном строительстве. Медведские коммунисты должны нанять главную роль в колхозах, бороться за организационно - озяйственное укрепление колхозов, за измерение капиталистических пережитков в сомнениях колхозников.